

DOI10.25991/VRHGA.2021.21.4.013

УДК 821.161.1+82.95

*О. М. Гончарова**

Г. Р. ДЕРЖАВИН В РУССКОЙ РАДИКАЛЬНОЙ КРИТИКЕ XIX ВЕКА**

В статье рассматривается проблема рецепции личности и творчества Г. Р. Державина в русской радикальной критике XIX в. Критические оценки поэта были обусловлены новыми радикальными идеями эпохи: публицисты и критики ведущих журналов руководствовались принципами позитивизма и реализма, на основании которых у Державина отрицали талант и художественные достоинства. Однако еще более важным элементом построений радикалов была их собственная историософия, которая проявлялась в стремлении создать новые представления о русской истории. Революционное стремление к «светлому будущему» определило отрицание прошлого, и Державин как знаковый поэт «века минувшего» и одновременно вельможа и «придворный песнопевец» Екатерины II невольно попадает в эту зону отрицания.

Ключевые слова: Державин, критика и публицистика, радикальная идеология, историко-литературные построения радикальных мыслителей.

O. M. Goncharova

G. R. DERZHAVIN IN RUSSIAN RADICAL CRITICISM OF THE 19th CENTURY

The article deals with the problem of the reception of Derzhavin's personality and creativity in the Russian radical criticism of the 19th century. Critical assessments of the poet were due to the new radical ideas of the era. Publicists and critics of leading journals were guided by the principles of positivism and realism, on the basis of which Derzhavin's talent and artistic merit were denied. However, an even more important element of the radicals' constructions was their own historiosophy, which was manifested in the desire to create new ideas about Russian history. The revolutionary striving for a "bright future" determined the

* Гончарова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; olg28051956@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00181 «Державин: pro et contra. Личность и творчество Г. Р. Державина в оценках русских писателей, критиков и исследователей».

denial of the past, and Derzhavin, as an iconic poet of the past century and at the same time the nobleman and court singer of Catherine II, involuntarily falls into this zone of denial.

Keywords: Derzhavin, criticism and journalism, radical ideology, historical and literary constructions of radical thinkers.

История рецепции творчества Г. Р. Державина в русской литературной критике и публицистике сложна и зачастую парадоксальна — «произведениям его пришлось не раз выдержать превратности перемен в литературных вкусах» [22, с. 11]. Особенно пристрастными к Державину были радикальные критики, занявшие ведущее положение в журналистике к началу 1860-х гг. и прямо заявлявшие: «...мы уже пережили все державинские понятия, — ореол, окружавший некогда Державина и его авторитет, для нас не существует» [44, с. 167].

«Странный бред публицистических недоразумений» (так определил суждения критиков-радикалов А. Л. Волынский в 1896 г. [8, с. 782]) по отношению к поэту мог быть самым несуразным. Н. Г. Чернышевский считал, что Державин — это «дикарь с добрым от природы сердцем», а «его тщеславие было так простодушно <...>, что можно простить ему все нелепости» [41, с. 325]. В оценке С. С. Шашкова — ведущего критика «Русского слова», «мелок и жалок» Державин — «безграничный честолюбец, черствый эгоист-крепостник, угодник временщиков!» [42, с. 16]. То же мнение и у П. Н. Ткачева: «Лучшие из наших поэтов и беллетристов начинали или заканчивали защитой крепостного права. Державин был крепостником с головы до пяток» [37, с. 209]. Историк литературы и одновременно сотрудник «Современника» А. Н. Пыпин отмечал в 1863 г.: «Державин, как не подлежит теперь никакому сомнению, был человек ограниченный и с весьма узкими общественными понятиями» [26, с. 29]. По сути, радикальная критика развивает те принципы, которые раньше были намечены В. Г. Белинским, ценившим, казалось бы, поэзию Державина, но именно он «отодвинул» поэта от современности. Критик отмечал, что все в Державине «чуждо нашему времени», что «целый век разделяет молодое поколение нашего времени от певца Екатерины» и «кажется, целые века легли между им и нами» [2, т. 6, с. 7, 14].

Я. К. Грот, который был непримиримым противником «радикального» прочтения Державина, о чем он говорил в статьях «Белинский и его мнимые последователи» (1861), «Характеристика Державина как поэта» (1865), напишет:

Незадолго перед тем в литературе возникло новое направление, весьма метко названное обличительным. Оно было тогда в полном разгаре. <...> Выходки против Державина сделались любимой темой журнальных критиков, хотевших прослыть передовыми людьми; не без злорачества пользовались всяким случаем, чтобы кстати и некстати бросить грязью в сверженного идола. <...> В Державине стали отрицать всякое достоинство: его бранили в журналах и учебниках, бранили с профессорских кафедр, бранили на школьных скамьях. К сожалению, эта односторонняя хула, сменившая прежний бессознательный восторг, часто отзывалась ожесточением, несовместимом с просвещенной критикой, и большею частью обличала в судьях самые поверхностные понятия о том, что составляло предмет их беспощадных приговоров [12, с. 67].

Тем не менее новые «литературные вкусы» и использование в радикальной публицистике вульгарно-утилитарных критериев в оценке искусства стали яркой

приметой времени и, нужно отметить, надолго запомнились русской культуре, оказавшись своеобразной точкой отсчета (отрицаемой или разделяемой) в становлении дальнейших интерпретаций и оценок творчества Державина. Именно поэтому и сам феномен русской радикальной критики, и ее парадоксальные характеристики личности поэта так часто привлекают внимание исследователей русской литературы. Практически вся линия критических суждений о Державине представлена и осмыслена в серьезных и объемных работах В. А. Западова [16], А. Л. Зорина [17], Г. Г. Елизаветиной [15], В. А. Черкасова [40], А. Вдовина [7] и других исследователей. В основном эти работы сосредоточены на анализе специфики историко-литературной ситуации, которая была ознаменована появлением новых идеологических ориентиров и эстетических идей («эстетики русского радикализма» [19]), «покушением на литературу» [18, с. 76], борьбой за новый «литературный канон», за «абсолютную власть критики над словесностью» [7, с. 204] и отрицанием прежних авторитетов.

Однако пока практически не отмеченным остается один из важнейших элементов критического мышления, самым непосредственным образом влиявший на историко-литературные представления, — это историософия радикалов, восходящая к «чаадаевскому радикальному сомнению в русской истории» [32, с. 71]. Критики, считавшие себя «мыслящими реалистами», писали не только о литературе, особым предметом их внимания была и история. Осмыслению базисных оснований своих идей «реалисты» посвятили целый ряд значимых и популярных в свое время работ (например, «Исторические идеи Огюста Конта», «Очерки из истории труда» Д. И. Писарева, «История цивилизации в Европе» Н. Г. Чернышевского, «Что такое партия прогресса» П. Н. Ткачева, «Очерк развития теории прогресса» В. В. Лесевича, «Условия прогресса» Н. В. Шелгунова, «Исторические письма» П. Л. Лаврова). В радикальной публицистике активно шло своеобразное конструирование «нужных», «передовых» взглядов на историю, и современники попадали под обаяние этих идей. Например, о В. О. Ключевском, сформировавшемся в среде шестидесятников, Г. П. Федотов — русский мыслитель и профессиональный историк, позднее скажет: «Историк в Ключевском был терроризирован социологией, и делал вид, что принимает ее социальный заказ» [39, с. 353–354].

Об истории размышлял еще В. Г. Белинский, написавший в 1846 г. А. И. Герцену о начале «философического изучения нашей истории» [2, т. 9, с. 588], уже утвердившись в своем отношении к историческому прошлому. Он полагал, например, что в прошлом России не было ничего, «ибо все <...> было слабо и ничтожно»:

А нравы? — какая грустная картина! Сколько тут азиатского, варварского, татарского! Сколько унижительных для человеческого достоинства обрядов <...>! Сколько простонародного и грубого в пирах! Сравните эти тяжелые яденья, это невероятное питье <...> с турнирами средних веков, с европейскими пиршествами XVII столетия... Хороши были наши брадатые рыцари и кавалеры! Да не дурны были и дамы, потягивающие «горькое»! Славное было житье [2, т. 4, с. 49–50].

Активные историографические разыскания ведет и А. И. Герцен, публикуя запрещенные материалы в «Полярной звезде», «Колоколе» и «Исторических

сборниках». Свое видение русской истории он представил в книге «Развитие революционных идей в России» (1850), полагая, что историческое движение — это борьба оппозиции, ее «революционных идей» с официальной «фасадной империей».

К началу 1860-х гг. историософские идеи радикальных публицистов обрели вполне осязаемые формы и концептуальность. Приведем показательную цитату из статьи Д. И. Писарева «Бедная русская мысль», посвященной не только оценке исторического исследования П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», но и изложению собственных представлений об истории и историографии. Критик увидел в труде профессионального историка «слабость мысли, раболепное уважение к старине потому только, что она старина, умиление над прошедшим, только потому, что оно прошедшее» [23, т. 2, с. 56], а собственные взгляды резюмировал так:

Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и без отвращения; нам не на что оглядываться, нам в прошедшем гордиться нечем; мы молоды как народ, и если счастье дается нам в руки, так не иначе как в будущем [23, т. 2, с. 66].

Суждения Писарева демонстрируют типичное для тогдашней публицистики нигилистическое отрицание прошлого, его обесценивание и обнуление, деконструкцию культурной значимости любой исторической событийности во имя искомого «светлого будущего». Основания такого отношения к истории позднее определит Н. А. Бердяев, размышляя о русском радикализме: «Самая большая неправда чистого революционизма — его отношение к прошлому, ненависть к прошлому, отрицание и истребление прошлого», «революционеры неистово отрицают прошлое. <...>. Отрицательная и злобная память о прошлом мутит их ум, калечит их чувства, делает их больными» [3, с. 324, 327]. Нигилистический строй мысли русских радикалов, их «отрицательные доктрины» были направлены не только на «разрушение эстетики», но и на историю, поскольку основная «функция нигилизма в культуре — борьба с историей» [33, с. 73].

Литература же становится своеобразным «полем деятельности» и исторического конструирования для критиков-реалистов, именно ее переустройство заменяло чаемые социальные преобразования и историографические труды. Такая замена не смущала критиков, поскольку они исходил из того, что искусство точно отражает действительность и, следовательно, само является действительностью. А. Н. Пыпин отмечал в связи с этим:

Литературное развитие имеет и другой интерес: история литературы входит в целую историю общества, и на литературе мы имеем возможность следить возрастание общественного сознания. И без сомнения, эта сторона предмета имеет наибольшую историческую важность <...> Это сопоставление литературы с непосредственной жизнью, строго говоря, только и может указать действительное значение исторического прогресса литературы [30, с. 1–2].

Именно в этой перспективе «нигилистического антиисторизма» рассматривают русские радикалы творчество Державина — поэта, получившего признание в прошедшем веке и всецело принадлежавшего ему, а потому, с точки

зрения нового «прогрессистского» взгляда на историю, бывшего прежде всего «певцом царствующего дома в России» [2, т. 6, с. 40] и «старовером старой классической школы» [28, с. 403]. Такие оценки вырастали из веры в прогресс и убежденности в исторической «ничтожности» XVIII в. в сравнении с современностью. Например, Г. Е. Благоветлов в общем историческом развитии литературы определял место Державина так:

Влияние таланта Державина на умножение числа одописателей, и, вообще, опошление самого содержания од, не подлежит никакому сомнению. В этом Державина, конечно, нельзя обвинять нравственно, ибо он не ведал, что творил, тем не менее его поэзия составляет не прогресс, а регресс в движении нашей литературы. <...> при известном состоянии литературы самый сильный талант может остаться без правильного развития, выйти на ложную дорогу и не только остаться без влияния на движение литературы, но иногда, что еще прискорбнее, сделаться ее тормозом, как было у нас с Державиным [5, с. 17–18].

Век Державина, как и он сам, представал в публицистике в самом негативном свете. Вот такую социологическую характеристику дает эпохе А. И. Герцен:

Между дворянством и народом стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс. Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники, они были и являются еще и теперь самым ярким воплощением раболопства в империи. <...> Цивилизация, начинавшая расцветать под эгидой правительства, все еще не покидала ступенек трона <...> Наука процветало еще под сенью трона, а поэты воспевали своих царей, не будучи их рабами. Революционных идей почти не встречалось [9, с. 183, 188, 192].

Позднее похожую характеристику повторит А. Н. Пыпин, рассуждая о XVIII столетии в своих работах («Очерки общественного движения при Александре I», 1871; «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», 1873 и др.). Критикуя его исторические взгляды, Н. Н. Страхов — страстный оппонент радикалов, писал:

Представьте себе картину тогдашней России так, как изображают ее нынешние историки, столь беспристрастные и проникательные. Всюду — зло и мерзость; помещики — изверги, крестьяне — стада диких животных; господство грубой силы, разврата, азиатского абсолютизма... <...> Представьте себе <...>, что было бы, если бы русская история находилась в некоторой власти г. Пыпина, г. Стасюлевича и им подобных историков. <...>. Тогда прощай все то, чем мы любимся и гордимся; ибо гордость и любование должны быть уничтожены в наших сердцах как вещи вредные. Тогда Пушкина не было бы, Карамзина не было бы; вместо Державина при Екатерине явился бы г. Некрасов и обличал бы тогдашним языком тогдашний Невский проспект [35, с. 382, 388].

Аналогично мыслил и Л. Н. Толстой. В апреле 1870 г., размышляя об «Истории России» С. М. Соловьева и о своем полном неприятии позиции историка, он отметил в «Дневнике», что новые историки жаждут «доказывать прогресс, что прежде все было хуже» [38, с. 266]. В этом идеологическом контексте и оформилось смоделированное критикой отношение к литературе XVIII в. и к творчеству Державина «как к давно устаревшему преданию миновавших

лет» [16, с. 15], как к «пустым звукам», в которые, по словам Писарева, превратились «имена Ломоносова, Сумарокова, Державина и всяких других бардов прошлого столетия» [23, т. 3, с. 109]. Неслучайно заметил Н. Н. Страхов, что новым критикам «всего зловреднее <...> кажутся самые старые писатели: Ломоносов, Державин» [34, с. 92].

«Старые писатели», по всей видимости, в сознании отрицателей истории совместились с понятиями столь нелюбимой «старины», стали своеобразными ее символическими и мифологизированными «знаками», на которые и была направлена «антиисторическая» критика. Этого не скрывали и сами критики. Так, А. Н. Пыпин называет Державина «главнейшим представителем» этой эпохи, а затем, рассуждая об общем характере XVIII столетия, несовместимого, по его мнению, с историческим прогрессом, пользуется цитатой именно из Державина. Автор статьи напоминает читателям об «отсутствии независимости и крайнем раболепстве писателей» того времени, каждый из которых «становился на ходули, заботился только о звучных хвалебных фразах» и если уж «решался “истину с улыбкой говорить”, то эта истина была только “лесть в виде грубости”» [26, с. 29]. Конструируемые в радикальной критике представления о XVIII в. влияли и на историографические труды второй половины XIX в.: изображение этой эпохи в «Истории» Ключевского Г. П. Федотов справедливо назовет «карикатурным» [39, с. 344].

Рассматривая радикальные «исторические» разыскания и оценки, которые были очень широкими и включали, естественно, не только творчество Державина, но и практически все сферы истории, следует учесть и тот факт, что именно ко второй половине XIX в. относится «становление академической исторической науки и появление профессионального “кодекса историка-исследователя”» [31, с. 294], активно проявляет себя научная мысль: предметом ее отдельного внимания становятся историко-литературные и библиографические разыскания в области культуры XVIII в. Уже в 1845 г. Я. К. Грот публикует в «Современнике» свои первые статьи о Державине, в 1859-м появится план академического издания сочинений поэта (Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 103), и ученый приступит к своей титанической многолетней работе над этим трудом. Своеобразие его работы в ситуации общественной индифферентности к творчеству поэта отметит позднее Б. Грифцов в своей статье о Державине: «Один только Я. К. Грот заботливо издает и комментирует Державина» [11, с. 111]. В это же время начинает свою деятельность и П. И. Бартенев — будущий редактор «Русского архива» и сборника «Осьмнадцатый век», он готовит к выпуску «Записки Гаврилы Романовича Державина», снабжая их обширными литературными и историческими примечаниями.

При этом радикальная критика откликается на любую более или менее значимую историческую публикацию, и отзыв о ней становится демонстрацией несогласия со «старой» академической наукой. Редактор «Русского слова» Г. Е. Благовестов в одной из таких рецензий прямо пишет об этом: «Только в последнее время начинают являться у нас новые деятели, с другим взглядом на историю, с другим требованием ее научной разработки. Старое рутинное направление <...> должно неминуемо рухнуть» [6, с. 122]. При этом «рутинным направлением» считались и историко-литературные исследования: критике

за «академизм», «научность» и любовь к старине, к «искусственной археологии» [25, с. 33] публицисты-радикалы подвергали работы А. Н. Афанасьева, С. П. Шевырёва, А. Д. Галахова, Ф. И. Буслаева и других филологов.

Естественно, под прицелом критики оказались историко-литературные разыскания П. И. Бартенева и Я. К. Грота. «Записки Державина» Бартнев выпустил отдельным оттиском журнала «Русская беседа» в 1860 г., они и стали предметом самого активного и по преимуществу негативного обсуждения в критике. Особый характер рецепции «Записок» в 1860-е гг. подчеркнул В. А. Черкасов:

Державин, с его консервативными убеждениями, по определению должен был вызвать резкое отторжение у поборников «перемен». Имя поэта казалось знаменем «века минувшего», черты которого продолжали оставаться актуальным явлением во всех областях российской жизни и, по мнению разночинцев, ждали своего преобразования. Соответственно, в личности Державина эти черты были подчеркнуты и развенчаны. Низкопоклонник и льстец, поставивший свой талант (если он есть) на службу собственным искательным видам; беспринципный карьерист на государственной службе; невежда как в тех родах деятельности, которыми приходилось заниматься профессионально, так и в общечеловеческом плане — таков Державин в рецепции критики 1860-х гг. [40, с. 232]

В этом обсуждении превалировало отрицание гражданской и государственной позиции поэта, для дискредитации которой использовались и личные выпады, и непроверенные слухи. Наиболее авторитетной, по всей видимости, стала опубликованная в «Современнике» статья Н. Г. Чернышевского «Прадедовские нравы» с ее негативизмом и снисходительно-ироничными оценками личности Державина. Статья критика выстроена очень продуманно: в ней скрупулезно пересказаны и процитированы «Записки» Державина, написанные в другое историческое время, с присущими ему обычаями, правилами и смыслами, но комментирует их Н. Г. Чернышевский исходя из собственных, идеологически выверенных представлений о личности и ее месте в истории. Поэтому рассказ Державина о перипетиях своей судьбы и карьеры в XVIII в. кажется критику века XIX и смешным, и претенциозным:

Он был человек прямодушный (по тогдашнему времени), даже отважный (по тогдашнему времени) в защите справедливости; по образованию он был и для тогдашнего времени человеком отсталых идей; ума он был не гениального, — быть может, даже и очень недалекого <...>; горячность характера беспрестанно вовлекала его в ошибки, которые, однако же, не мешали его карьере устроиться очень завидным образом; самодовольно считал он себя великим дельцом, чуть-чуть не ежегодно спасавшим государство от гибели; тонкие и практичные сослуживцы справедливо могли считать его человеком пустым; а ему самому казались очень вредными людьми государственные люди с просвещенным образом мыслей <...>. Все это известно было о Державине задолго до издания его «Записок» и доказывалась каждой страницей их. Когда он писал их, ему хотелось выставить себя мудрым правителем, человеком, оказавшим великие услуги отечеству, — это ему не удалось. Зато прекрасно обрисовал он ими себя, каков был на самом деле, в противность своему намерению изобразить себя не таким, каков был, а таким, каков казался себе в самодовольных мечтах [41, с. 325].

Столь же непримиримыми будут и другие отзывы о «Записках» и личности Державина: В. Водовозова в «Русском слове» (1860), Д. Маслова в «Московских ведомостях» (1860), который через год напишет о тех же «Записках» большую статью «Державин-гражданин», где, по сути, откажет поэту в каком бы то ни было гражданском и общественном значении. В том же тоне напишет о нем и А. Ф. Писемский, особенно усердно противопоставляя современность «тогдашнему времени»:

Теперь трудно найти образованного человека, который бы о поэтическом даровании Державина не имел склонности думать, что это не столько действительное дарование, сколько кропотливая бездарность, сперва вызванная каким-нибудь неразумным случаем, а потом находившая поощрение на новые подвиги в неразборчивости и некоторых других условиях тогдашнего времени. Каким образом неразборчивость современников могла простираться так далеко, чтобы находить очень большое дарование там, где оно было почти совершенно ничтожно, понять очень нетрудно. Надобно полагать, что она происходила от неразвитости тогдашнего вкуса и от того обстоятельства, что в наших суждениях о подобных предметах очень значительную роль играет так называемый сравнительный или параллельный метод; а Державина сравнивать было не с кем; ему не было параллели; он был лучше всех из стихотворцев и тогдашнего и предыдущего времени [24, с. 10].

В этих оценках проявлялась общеметодологическая основа историософских воззрений радикалов. И вновь Н. Н. Страхов обращался к ним:

Историк, по самому существу дела, есть консерватор, хранитель преданий, любитель прошлого. <...> Пусть не ошибаются историки, воображающие себя рьяными прогрессистами: они на ложной дороге <...> Зачем возбуждать интерес к отжившему среди множества современных животрепещущих интересов? Вперед и вперед, и чем меньше мы будем думать и жалеть о старом, тем лучше. Вот почему истинно-прогрессивный историк занимается лишь тем, что бранит старое, и у нас действительно есть историки литературы, которые не видят в ее истории ничего светлого и замечательного почти вплоть до того времени, когда они сами стали писать [36, с. 130–131].

Тем не менее история русской литературы «переписывалась» радикальными критиками тщательно и последовательно: общая атмосфера негативного восприятия «Записок» поддерживалась и оценками Державина-поэта. О нем, еще до выхода «Записок», высказался Н. А. Добролюбов: «Державина сама императрица приняла под свое покровительство, но и тут не избавила от необходимости отыскивать милостивцев, которых производил он и в гиганты, и в геркулесы, и чуть ли не в полубоги» [14, с. 66]. Задается вопросом: «следует ли преподавать историю русской литературы», ведь она — только «список имен», «ровно ничего собою не означающих», — и Д. И. Писарев. А уж «когда дойдет дело до Ломоносова и Державина, — пишет он в статье «Наша университетская наука», — тогда становится еще тошнее; приходится запоминать названия од и отрывки из них, до которых <...> дотыкаются только гимназисты и исследователи» [23, т. 2, с. 206]. При этом историко-литературные оценки радикалов становились столь авторитетными, что влияли на критиков других направлений и взглядов. Так, «почвенник» А. А. Григорьев писал о Державине:

Созерцание жизни величайшего лирика той эпохи Державина сводится все в такие общие положения, которые <...> наполовину внушены идеями просвещения, то есть общим духом <...> столетия, — таков Державин парадно, в возвышенном настроении; нараспашку же, в анакреонтическом роде он просто эпикуреец, да только не эпикуреец философ <...>, а просто-напросто русский татарин, с сильной чувственной фантазией восточного человека, разбавленную грязноватым юмором непристойных песен и сказок русского народа [10, с. 180].

Но вот наступило, казалось бы, время истинной оценки поэта — в 1864 г. выходит первый том «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», который был призван дать читателям целостное и объемное представление о творчестве поэта. «Выход первого тома Гротовского издания, — напишет много лет спустя Г. А. Гуковский, — был событием в русской литературе». Отметил ученый и значение труда Я. К. Грота как «крупной победы русской академической науки, примера подлинной научности» [13, с. 372–373]. Именно в научной среде издание было оценено по достоинству. «Честь г. Гроту за его превосходный труд и благодарность Академии, открывшей такую щедрую рукой возможность исполнить дело, славное для ее летописей, и драгоценное для всей России, которой принадлежит имя и творения Державина», — писал в своем отзыве знаток истории XVIII в. М. Н. Лонгинов [20, с. 8]. Он будет и впредь, несмотря на выпады критиков, оценивать каждый выходящий том издания, но вынужден будет отмечать и крайне недоброжелательную атмосферу вокруг труда Я. К. Грота:

Говоря о признательности к благородным заслугам истинного литератора и ученого, как-то трудно удержаться от того, чтобы не выразить чувства негодования против неблагодарности, злонамеренности и невежества, пытающихся умалить эти заслуги, или предать площадному и грошовому осмеянию сам предмет ученого труда. Наши журнальные прогрессисты глумятся над Державиным и даже над всей его эпохой. И это делают те, которые, однако, толкуют, что теперь родилось у нас самосознание, пробудилось общество! <...> Хорошо ваше современное общество, если оно лишено всякого фундамента, кроме ваших мастерских и фаланстеров в Фонарном переулке или Мещанской, ваших статей об эмансипации женщин, о праве на землю и на труд или о законности воровства, в котором вы, впрочем, печатно укоряете друг друга при первом случае, а потом печатно миритесь и обнимаетесь! [21, с. 16]

Радикальная критика, уже чувствовавшая свою власть над литературой и читателем, действительно «глумилась» и над «Сочинениями Державина», и над их издателем и комментатором. А. Н. Пыпин, практически руководивший теперь «Современником», писал об излишнем «академизме» издания и увидел в Гроте защитника Державина, что означало, по мнению критика, принадлежность к партии «литературных старообрядцев» или «староверов». Сюда же Пыпин включил и М. Н. Лонгинова, посмеявшего дать положительный отзыв об издании Я. К. Грота. Поражает в рецензии А. Н. Пыпина тот напор, с которым образованный филолог обрушивается и на Державина, и на его защитников, прозрачно намекая при этом на какие-то их якобы недостойные цели. Он пишет, например, что Державин «по своему жалкому мирозерцанию и отсутствию всякого понятия об истинной поэзии» не может «иметь никакого

интереса современного», так «для чего же, спрашивается, Державин ставится на ходули?» Нет, отвечает сам автор статьи, «здесь действует не уважение к памяти Державина, — а старообрядческий взгляд в науке, который смотрит на знание не как на свет, которым должно освещаться все, а как на средство, как на орудие для известных целей, не очень светлых» [27, с. 133]. По всей видимости, А. Н. Пыпин так и не простил Я. К. Гроту негативных отзывов о критиках-радикалах, которых ученый называл «мнимыми учениками Белинского» за их «грубое и невежественное презрение» к Державину.

Ту же позицию заняла и «народническая» критика журнала «Дело» (Г. Е. Благосветлов, П. Н. Ткачев, Н. В. Шелгунов, С. С. Шашков, В. А. Зайцев). Солидарность со сложившимися в «прогрессивной» критике оценками проявил прежде всего С. С. Шашков, также не забывший статью Грота «Белинский и его мнимые последователи», в которой Белинский был назван «идолом» новой критики. Теперь С. С. Шашков назвал свою статью «Литературный идол» и прямолинейно обвинил Грота в том, что его идол — это Державин. Он осудил «усердных поклонников» поэта, «вроде академика Грота», за то, что они «до сих пор довольно успешно поддерживают культ в честь этого человека». Это, с точки зрения автора статьи, «идолопоклонническое воззрение» на человека, который не мог и не может быть идолом, поскольку у него «не было никакого прогрессивного идеала», и который «был ярким защитником не только крепостного бесправия, но и всякого рабства» [42, с. 1, 20].

Н. В. Шелгунов, обратившись к обзору «вельможного» XVIII в., сделал вывод, что

Державин служит изобразителем этой эпохи героев и державцев, вообразивших себя первыми, поражавших своею пышностью <...> Но что бы и было воспевать Державину? Конечно, не народные бедствия, не то, о чем писали Радищев и Щербатов в прозе. Державин рисовал Россию праздничную, парадную, Россию внешней славы и побед, Россию азиатской роскоши и азиатской лени [44, с. 168].

В 1880 г. появляется «Жизнь Державина» Я. К. Грота — работа, положительно оцененная частью литературных критиков и научным сообществом, но общественное сознание будет приковано не к здравым размышлениям о поэте, а к нигилистическим выпадам радикалов и против книги Я. К. Грота, и против Державина. «Непримиримый» С. С. Шашков в статье «Русский Катон» напишет, припоминая давние разногласия академиком:

Тогда-то верный почитатель поэта, г. Грот, дал обет написать его полную биографию и очистить его память от той тени, которую набрасывала на нее «односторонняя хула» людей невежественных, увлеченных «обличительством» 60-х годов. Г. Грот задумал, так сказать, реставрировать тот державинский кумир, о котором сам поэт говорил, что, может быть, он «через решетки золотые слетит и рассмешит весь мир». Двадцать лет работал академик над этой реставрацией и, наконец, издал книгу в тысячу слишком страниц огромного формата, — и получился «кумир», но уже без прежнего ореола и легендарного обаяния. Г. Грот не мог не принять во внимание разоблачений невежественных обличителей поэта, должен был признать крупные недостатки и в поэзии, и в личности Державина, но он не мог вполне отрешиться от прежнего идолопоклонства перед поэтом

и постарался сгладить в реставрированном им кумире несимпатичные черты его действительной личности. Написанная г. Гротом биография — скучнейший панегирик и самый тон её обличает в авторе неисправимого идолослужителя литературных авторитетов [43, с. 1–2].

Многостраничная статья критика была посвящена не только защите мнения радикальной критики о Державине, но и уничтожению научной работы Грота:

Панегиристы Державина желают удержать за ним место в ряду лучших людей его времени, «обличители» же только желают восстановить историческую правду и показать настоящего человека XVIII столетия, а не кумир, размалеванный стараниями академического реставратора. <...> Грот называет Державина добродушным помещиком, между тем как это был самый заурядный крепостник своего времени [43, с. 15].

И если нигилистический «антиисторизм» склонен к отрицанию ценностного статуса «того универсума, который был ранее или может сделаться в будущем особо значимым для организации культуры» [33, с. 74], то статья С. С. Шашкова и призвана была опровергнуть культурную значимость и Державина, и научной позиции Я. К. Грота, основанной, по словам самого Я. К. Грота, на исследовательском интересе к одному «из самых даровитых русских людей в связи с его веком» [12, с. III]. Такой исторический взгляд в прошлое для критика-радикала неприемлем, и автор статьи пишет:

Страстный, порывистый темперамент, непомерное честолюбие, поэтический талант, эксплуатируемый в интересах карьеры, неумеренный восторг перед милостивцами и самое бесшабашное порицание лиц неприятных, преувеличенная гордость своей честностью и погрязание в служебных дрязгах — все это напоминает отчасти Вольтера, а более нашего Сумарокова. Это вполне сын XVIII в., но зачем же его возводить в герои, кого убедит сочиненная г. Гротом десятифунтовая апология? [43, с. 25]

На исходе XIX в. идеи и принципы радикальной публицистики нашли свое воплощение в авторитетной «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина, который, по сути, легализовал их в научном дискурсе. В IV томе своей «Истории» Пыпин дает нелестную характеристику и обществу, и литературе XVIII в. и рассматривает творчество Державина под выбранным углом зрения. Поэт, по мнению историка, «понимал поэзию как дидактику, занятую возвышенными предметами», но все-таки «и в этой дидактике, хотя эстетически тесной по литературным понятиям вкуса, у Державина, несмотря на все много раз указанные его недостатки, была истинная поэзия». Тем не менее, по мнению Пыпина, Державин «остался в истории литературы именно певцом Екатерины» [29, с. 85–86, 90].

Так отнеслись к Державину русские радикальные критики XIX в. — «фельдфебели рутинного радикализма» и «люди общественно-политического резонерства» [1, с. 7, 11], заблудившиеся, по словам Н. А. Бердяева, между «философской истиной» и «интеллигентской правдой» [4, с. 8]. Нигилистическое небрежение историей, конструирование собственных утилитарно-

социологических критериев оценки исторической событийности создали своеобразную мифологию XVIII в., и Державин как знаковый поэт своего времени, выразивший его заботы, эстетические пристрастия и смыслы, невольно оказался в зоне отрицания и нигилистического «антисторизма». Так, скажет в 1914 г. Б. Грифцов, «кол за колом вколачивали в могилу Державина исследователи его поэзии и его жизни» [11, с. 111].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Н. Я. Подполье русского интеллигентства (О тупиках русского интеллигентского сознания). — М.: Свободное слово, 1917.
2. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Художественная лит-ра, 1976–1982.
3. Бердяев Н. Духовные основы Русской революции. Опыт 1917–1918 гг. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1998.
4. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — СПб.: Азбука, Аквалон, 2011. — С. 8–37.
5. Благосветлов Г. Е. Русская литература XVIII столетия и ее история (Очерки истории русской литературы. Соч. Караулова. Т. 1. Феодосия, 1865) // Дело. — 1867. — № 2. — С. 1–49.
6. Благосветлов Г. Е. Ученое самообольщение («Об историческом значении царствования Бориса Годунова», соч. П. Павлова. СПб., 1863 г. — «Тысячелетие России», краткий очерк отечественной истории, соч. П. Павлова. СПб., 1863 г.) // Шестидесятники. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 115–127.
7. Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1820–1860-х годов. — Tartu: Tartu Ülikool, 2011.
8. Волинский А. Л. Русские критики. Литературные очерки. — СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896.
9. Герцен А. И. Развитие революционных идей в России // Герцен А. И. Полн. собр. соч.: в 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 7. — С. 5–266.
10. Григорьев А. Эстетика и критика. — М.: Искусство, 1980.
11. Грифцов Б. Державин // София. Журнал искусства и литературы. — 1914. — № 1. — С. 111–125.
12. Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческими документам, описанная Я. Гротом // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. — СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1880. — Т. VIII. — С. I–IV, 5–1043.
13. Гуковский Г. А. Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. XVIII век. — М.: Жур.-газ. объединение, 1933. — Т. 9–10. — С. 369–396.
14. Добролюбов Н. А. Избранное. — М.: Искусство, 1986.
15. Елизаветина Г. Г. Журнальные отклики 1860-х годов на публикацию «Записок» Г. Р. Державина // Г. Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие. Тезисы междунар. научн. конф., посвященной 250-летию со дня рождения поэта. — Казань: Б. и., 1993. — С. 17–18.
16. Западов В. А. Текстология и идеология (борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. — Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. — Вып. 4. — С. 96–129.
17. Зорин А. Л. Глагол времен // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг совершив: О судьбе произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. — М.: Книга, 1987. — С. 5–154.

18. Кондаков И. В. Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре) // Вопросы литературы. — 1992. — № 2. — С. 75–127.

19. Кондаков И. В. «Популяризатор отрицательных доктрин» («Феномен Писарева» и эстетика русского радикализма) // Вопросы литературы. — 1995. — № 5. — С. 171–210.

20. Лонгинов М. Н. Отзыв на Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота (Т. I. СПб.: Изд. Имп. Акад. наук, 1864) // Современная летопись. — 1864. — № 1. — С. 8–9.

21. Лонгинов М. Н. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Том третий // Современная летопись. — 1866. — № 9. — С. 16.

22. Паламарчук П. Г. Слово и дело Державина // Державин Г. Р. Избранная проза. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 3–14.

23. Писарев Д. И. Соч.: в 4 т. — М.: Гослитиздат, 1955–1956.

24. [Писемский А. Ф.] Записки Гавриила Романовича Державина. Издание Русской Беседы // Библиотека для чтения. — 1860. — Т. CLXI, № 9. — Отд. II. — С. 10–44.

25. Пыпин А. Н. По поводу исследований г. Буслаева о русской старине // Современник. — 1861. — Т. 85, № 1. — Отд. II. — С. 1–34.

26. Пыпин А. Н. Старые недоразумения // Современник. — 1863. — Т. 95, № 7. — Отд. II. — С. 1–36.

27. Пыпин А. Н. Внутренне обозрение // Современник. — 1864. — Т. 100, № 1. — Отд. II. — С. 111–148.

28. Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки. 2-е изд. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885.

29. Пыпин А. Н. История русской литературы: в 4 т. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. — Т. 4.

30. Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. 3-е изд. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1906.

31. Родигина Н. Н. «Журналы были нашими лабораториями»: конструирование исторического сознания провинциальных интеллектуалов второй половины XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. — М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2012. — С. 280–307.

32. Сапронов П. А. Русская философия: Проблема своеобразия и основные линии развития. — СПб.: Гуманитарная Академия, 2008.

33. Смирнов И. П. Нигилизм, антинигилизм и «Бесы» Достоевского // *Russische Literatur an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert: Oldenburger Symposium / hrsg. von R. Grübel.* — Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 1993. — С. 71–91.

34. Страхов Н. Н. Страхов Н. Н. Литературная критика. — М.: Современник, 1984.

35. Страхов Н. Н. Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей. — СПб.: Изд-во РХГА, 2006. — С. 377–400.

36. Страхов Н. Н. Борьба с Западом. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2010.

37. Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. — М.: Современник, 1986.

38. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. — М.: Художественная лит-ра, 1985. — Т. 21: Дневники. 1847–1894.

39. Федотов Г. П. Россия Ключевского // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. — 1932. — № L. — С. 340–362.

40. Черкасов В. А. Державин и его современники глазами Ходасевича: монография. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.

41. Чернышевский Н. Г. Прадедовские нравы // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М.: Гослитиздат, 1950. — Т. 7: Статьи и рецензии. 1860–1861. — С. 325–371.
42. Шашков С. Литературный идол (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Второе академическое издание. Т. I–VI. СПб., 1876 г.) // Дело. — 1877. — № 6. — Отд. II. — С. 1–31.
43. Шашков С. С. Русский Катон // Дело. — 1880. — № 12. — Отд. II. — С. 1–25.
44. Шелгунов Н. В. Попытки русского самосознания. Статья 1 // Дело. — 1874. — № 1. — С. 137–175.